

**Б. М. Петров**

Москва

## ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ РАЙКА

Рассматриваются особенности «красного склада» речи или говорного раешного стиха, прослеживается его история в русской и советской литературе, творческий опыт поэтов-раешников. Региональное бытование райка показано на примере старообрядческого посада Клинцы Брянской области. В литературоведческий оборот вводится поэтическое наследие клинцовского раешника, отставного артиллериста Филиппа Степанченко (начало XX в.). Делается вывод, что раек надолго сохранится в литературе. Провинциальный раек подлежит сбору и изучению.

**Ключевые слова:** раек, красный склад, русская литература, посад Клинцы, бытование райка, раешник Ф. Степанченко

Еще поколение назад едва ли не каждый русский человек начинал знакомство с родным фольклором с этих вот немудреных, казалось бы, слов:

В некоем царстве,  
В некотором государстве  
Жили-были Дед да Баба,  
И была у них курочка Ряба...

А ведь это — *раешный стих*, самая древнейшая народная форма русской поэтической речи. (Раек встречается также у немцев.) Строй раешника определяется интонационно-фразовым и паузным членением; это свободный стих, верлибр с парными, как правило, концевыми рифмами. Никакой закономерности в количестве и расположении слогов и ударений в строках народного райка нет. Нередко он приобретал характер скороговорки, что маскировало фонетическую простоту рифм. В райке рифма часто несет ударный смысл через оксюморонные столкновения называемых предметов и понятий [3, 153]. Вот пример раешных выкриков тряпичника:

Тряпье, рванину,  
Худую перину,  
Свалянную подушку,  
Путаную Аксюшку,  
Всякие лохмотья,  
Пьяную Авдотью  
Собираем, покупаем,  
Хозяина ослобоняем! [9, 307]

Совершенно очевидно, что ни блудливая Аксинья, ни пьющая Авдотья тряпичнику и с приплатой не нужны, но он вставляет их в стих и ради рифмы, и, прежде всего, чтобы поразить слушателя, овладеть его вниманием. Дальнейшее уже — из области маркетинга.

Лучшие мастера раешного стиха были импровизаторами, сатириками, острыми наблюдателями, мгновенно обыгрывавшими в своей речи осо-

бенности только что подошедших к ним зрителей, потенциальных покупателей, изменение ситуации вокруг себя. В этом отношении раек предварял русскую частушку, необычайно чутко (однако медленнее райка) реагирующую на происходящее [1]. На прибаутки раешника не полагалось обижаться. Райком занимались обычно мужчины, однако раешная речь была подвластна и женщинам, а в сложении частушек женщина вышла на первый план одновременно с постепенным снижением роли публичного исполнения райка.

Интересно происхождение термина *раек*. Можно сказать, что это предшественник звукового кинотеатра, широко распространенный в России середины XIX в. Это был переносной или перевозной, на колесах, ящик с подсветкой и двумя-тремя окулярами, через которые зрители за небольшую плату рассматривали картинки на бумажной полосе, которую поэтапно протаскивал через ящик хозяин устройства (раешник). Он ездил со своим приспособлением вместе с ярмарками, перемещающимися по *ярмарочному колесу* (установившемуся кругу их передвижения по обслуживаемой территории). Хозяин ящика не только зазывал к себе зрителей стихотворными выкриками, но такими же прибаутками комментировал демонстрируемые картинки. Первоначально это были картины из Священной истории: Адам и Ева в раю, их прегрешение, бегство из рая, жизнь прародителей на земле и другие подобные сюжеты. Именно по демонстрируемым «видам рая» устройство было названо «райком», а обслуживающий его человек и сама его речь — раешником. В дальнейшем сюжеты картинок райка необычайно расширились: коронация царей, приемы посольств, великие битвы, крупные пожары, виды городов и рек и др., а рифмованные зазывы стали применять не только раешники, но служители других ярмарочных развлечений (вертеп, петрушка, балаган), ярмарочные и бродячие торговцы, однако за их стихотворной речью закрепилось общее название *раек*.

Термин *раешный стих*, *раек* звучит нынче как-то несерьезно, будто бы напоминая о какой-то игре. А между тем раешный стих гораздо старше ярмарочного райка. *Раек* — термин литературоведческий. Под ним понимается народный вариант *говорного стиха* [17, 157], представляющий дисметрический верлибр, рифмованный фразовик. Его народное название неизвестно. Видимо, он был настолько естественен для русской речи, что не требовал специального названия. Впрочем, материалы В. И. Даля позволяют восстановить одно такое название — *красный склад* [4, 97]. Применялся раек не только на ярмарках и в торговле, но и очень широко в обычной жизни. Вспомним сцену в корчме на литовской границе из «Бориса Годунова» (1602). Пьяница, хитрюга и балагур, бродячий монах Варлаам говорит:

Литва ли, Русь ли,  
Что гудок, что гусли:

Все нам равно,  
 Было бы вино...  
 Да вот и оно!..

В XVII–XVIII вв. раек был широко употребителен в литературе. С развитием книгопечатания он был сильно потеснен силлабическими виршами, а потом силлабо-тоническим стихом, но продолжал сохраняться в народном быту, в народной драме, в подписях к лубочным картинкам (русский народный вариант комикса). Печатная литература образованного класса, следующая западным образцам, не смогла убить раек, ориентированный на устное импровизационное исполнение.

В печатную литературу раешник вернул А. С. Пушкин, создав в Болдине на основе своих михайловских записей «Сказку о попе и работнике его Балде» (1830). Под мощным влиянием народного райка написана знаменитая сказка «Конек-горбунок» (1834). В середине XIX в. остроумным райком писал свои «рацеи», поясняющие его жанровые картины, известный художник П. А. Федотов [18]. К райку обращались такие крупные русские поэты, как Н. Некрасов («Дядюшка Яков»), А. Блок («Двенадцать»), В. Хлебников («Ночь перед Советами»), М. Цветаева («Царь-девица», «Молодец»), его использовали советские поэты Д. Бедный, В. Боков и др. А. М. Ремизов называл говорной стих В. Маяковского «блестящим райком» [12, 399]. Печатный раек, создаваемый поэтами новой формации, владеющими силлабо-тоническим стихосложением, отличается от народного, приобретая некоторую метричность за счет укорочения и частичного выравнивания длины строк, появления более сложных перекрестных и даже охватных рифм, что образует переходные к силлабо-тоническому формы стиха.

При печатном воспроизведении короткострочного райка для экономии места нередко производится сдвоение строк. Вот фрагмент райка Н. Некрасова «Дядюшка Яков»:

У дядюшки Якова  
 Про баб товару всякого.  
 Ситцу хорошего –  
 Нарядно, дешево!  
 Эй! молодежи!  
 Красны девицы,  
 Тетушки, сестры!  
 Платочки пестры.  
 Булавки востры и т. д. [8, 96]

Он может быть записан и так:

У дядюшки Якова про баб товару всякого.  
 Ситцу хорошего — нарядно, дешево!  
 Эй! молодежи! Красны девицы,

Тетушки, сестры! Платочки пестры,  
Булавки остры,  
Иглы не ломки, шнурки, тесемки!  
Духи, помада, все — чего надо!..

Такая запись маскирует структуру раешного стиха: рифма становится внутренней, появляется цезура. Цитированный выше отрывок из раешного балагурства Варлаама у Пушкина вообще написан в строку. В таком виде раек не всегда опознается и нередко рассматривается как «дилетантские стихи».

Книжному райку не нужна функция зазывания, он не предусматривает площадное декларирование, но в то же время воображаемая декламация, имитация устного сказывания, обращение к слушателю (а не читателю), повествование, репортажность, эмоциональный рассказ умудренного опытом очевидца остаются. Так, в годы войны С. Кирсанов создал раек «Заветное слово Фомы Смыслова — русского бывалого солдата». *Бывалый* солдат, произносящий *заветное* слово — само это название показывает, что, несмотря на шуточный, балагурный тон, в современном райке идет речь о серьезных вещах. Неслучайно раек Кирсанова называют «высоким».

Повествовательную функцию райка пытались использовать и в минувшую эпоху гиперидеологизации общества. В годы массового литературного движения (вторая половина 1920-х — первая половина 1930-х гг.) в редакциях местных газет была должность «*поэт редакции*». Его задачей было не только руководство творчеством самодеятельных авторов, но и сочинение стихов «по случаю» и «к дате», а также сатира. «Поэты редакции» зачастую писали раешным стихом. Так в 1920-е гг. писал стихотворные фельетоны для ленинградских газет Е. Л. Шварц. К райку же нередко прибегали поэты фронтовых, армейских и дивизионных многотиражек периода Великой Отечественной войны. (С. Кирсанов — наиболее успешный среди них.) Наконец, последними ручейками райка были речевки «капустников» и однодневные стенгазеты, которые в послевоенные годы было принято выпускать на т. н. «партхозактивах» и иных групповых мероприятиях, на которые съезжаются представители разных, нечасто встречающихся подразделений, предприятий и т. п. На таких сборах временная редколлегия из числа энтузиастов активно обыгрывала в рисунках и стихах речь докладчика, прения, предложения, оговорки неумеющих выступать и др. В создаваемых ею своего рода «дацзыбао» нередко использовался раек — весьма удобная форма для короткоживущих листков; заорганизованные стационарные стенгазеты, рассчитанные на вывешивание «от праздника до праздника», воспринимали раек уже плохо.

Раек XIX — начала XX вв. тяготел к провинции (хотя встречался и в столицах). Писатель-эмигрант Николай Нароков (Н. В. Марченко) отметил существование провинциального устного райка даже непосредственно пе-

ред революцией [7, 155]. В период массового собирания фольклора райку не повезло. Устный раек — это всегда импровизация. (Не потому ли он заинтересовал Пушкина?) Хотя каждый ярмарочный раешник имел некоторые индивидуальные заготовки, их комбинации никогда не повторялись. О собирании бытового речевого райка, не связанного с торговлей, и говорить не приходится. Фиксированные раешные тексты — большая редкость. А ведь они подлежат сбору и изучению больше, чем малограмотные силлабо-тонические вирши провинциальных графоманов.

Провинциальный раек изучался нами на примере посада (с 1925 г. — город) Клинцы Черниговской губернии (ныне Брянской области). Клинцы, основанные в 1707 г. раскольниками, вообще очень богатые талантами, с райком знакомы издавна. Видный миссионер единоверия Т. А. Верховский, живший в Клинцах юношей в 1815–1818 гг., дружил с сыном пономаря Вознесенской церкви Иваном Ивановичем Люсиным и сохранил в своих мемуарах отрывок одного из его стихотворений. Написано оно типичным райком:

О, вы, раскольники,  
Как древние стригольники,  
Стрижете волосы с макушки,  
Так что видны ваши ушки.  
О, анафемы-суеверы,  
Заблудившие без меры... [2, 38]

Поздней осенью 1858 г. в Клинцы приехал корреспондент нового журнала «Вестник промышленности», выпускник Московского университета П. Н. Рыбников. Ознакомившись с предприятиями Клинцовского промышленного узла, Рыбников занялся собиранием фольклора, что совсем не входило в командировочное задание, но он был учеником Ф. И. Буслаева и не мог пройти мимо бесценных россыпей. Будучи трезвым, скромным и общительным человеком, Рыбников вошел в доверие к клинцовским старообрядцам и был допущен в Красноборский Иоанно-Предтеченский, что в Полосе, монастырь. В монастыре Рыбников видел настенную «картинку» с изображением Емельяна Пугачева и стихотворной подписью:

Емельян Пугачев природою с Дона,  
В России как дома,  
Пришел в Россию с малой дружиной,  
А сделал Россию с кручиной.  
Он был яр до бояр,  
Ежели б он всю Россию уловил,  
Много бы господ подавил;  
Емельян господам был крестным отцом,  
Жаловал жарким и холодцом.  
Крестьянам было бы весело,  
Когда бы рука их господ вешала [13, 152].

В третьем томе своих «Песен» Рыбников привел по памяти (его клинцовские записи погибли при аресте) первые четыре строки из этой подписи на монастырской картине [14, 273]. Полностью она сохранилась в его письме к И. С. Аксакову [15, 6а]. Кстати, это наиболее ранний по времени записи текст в его знаменитом собрании русских былин. Рыбников принял его за историческую песню. Разумеется, монастырская «картинка» была не полотном маслом, а известный у старообрядцев рисованный лубок [10, 343–344], а для лубка, как известно, характерны именно раешные подписи рисунков [6]. Именно райком является зафиксированная Рыбниковым подпись. Автор ее — клинчанин, но имя его неизвестно.

Таким образом, среди клинцовских старообрядцев на протяжении XIX в. прослеживается бытование раешного стиха, но насколько он был массовым, неведомо. Клинцы были довольно значительным центром ярмарочной торговли. Несомненно, на клинцовских ярмарках тоже звучал раек.

В 1920-е гг., когда началось массовое литературное движение, на страницах местной газеты «Труд» можно встретить раешные стихотворения не только городских, но и сельских стихотворцев. Особенно увлекался ими селянин Иона Артемович Лаптейников. (Впрочем, он отдавал дань уважения и стихам С. Есенина.) Свое библейское имя Лаптейников вообще старался не употреблять, а вот отчеством он подписывался часто. Так возник образ умудренного жизнью пожилого балагура «Артемыча», сказывающего райком «правду-матку».

В 2009 г. Клинцовский краеведческий музей обнаружил редкий образец неторгового райка — самодельную «Тетрадь для стихотворений сочинения Ф. А. Степанченко» [16]. Это чистовая рукопись, содержащая 17 стихотворений (все имеют название) и тщательно составленное оглавление. Стихотворения написаны «по горячим следам» событий в Клинцах и их пригороде Стадола, произошедших в 1903–1908 гг. Последним в оглавлении стоит автобиографическое стихотворение. По времени создания тетрадь Ф. А. Степанченко находится посередине между пугачевским лубком и газетными стихами И. А. Лаптейникова.

Филипп Андреевич Степанченко — отставной фейерверкер (младший унтер-офицер артиллерии), вышел в отставку, видимо, по серьезной болезни (два с половиною года в постели), женат бездетно и брошен разбитной женой. 1000 и 1 одинокая ночь в голоде, холоде, в неприбранной избе, когда весь свет — от лампадки при доставшейся от матери иконе, заставила Филиппа Андреевича сотни раз пересмотреть свою жизнь, свое место в этом мире. Результатом стали стихи. Это были не «дозволенные речи» — он их писал для себя, как теперь говорят, «в стол», это было бегство одинокой души в поэзию. Затворившись в своей грязной и холодной «келье», Степанченко, как пушкинский Пимен, писал «доносы» в будущее. Он говорил преимущественно о том, что видел сам, или о случаях, заканчивавшихся появлением

полицейской (т. е. общественной, хотя и не судебной, оценкой происшедшего). Своих героев он называет в основном по кличкам. Степанченко не рассчитывал на публикацию своих стихов — могли и бока намять. Лишь однажды — в стихотворном поношении крупного местного фабриканта Георгия Сапожкова, совершившего асоциальный поступок, — он упоминает, что

Сапожка безумного люди проклинаяют,  
Сложные мои речи все вдруг повторяют [16, 4].

Степанченко пользовался русским языком с примесью слов т. н. стародубовского диалекта. Он был довольно грамотен, имел почерк много писавшего человека. Его раек не блещет особыми красотами. Это обычный раешный стих с удлиненной строкой более или менее одинаковой длины и простенькими рифмами. Вот пример из стихотворения №13 в авторской записи:

Расскажу вам прибаутку, сказку-быль аль просто шутку –  
Эта сказка-то моя позабавит вас, друзья! –  
Про стодольцев-удальцов, про великих мудрецов  
Иванченко Емельяна, Евсеенко Ермолая,  
?Да еще Павла Карпенка и Сергея Дорошенка.  
Вот эти-то молодцы — разлихие хитрецы, и т. д. [16, 63]

То же в типичной раешной записи:

Расскажу вам прибаутку,  
Сказку-быль аль просто шутку –  
Эта сказка-то моя  
Позабавит вас, друзья! –  
Про стодольцев-удальцов,  
Про великих мудрецов  
Иванченко Емельяна,  
Евсеенко Ермолая,  
Да еще Павла Карпенка  
И Сергея Дорошенка и т. д.

С силлабо-тоническими формами отставной фейерверкер был мало знаком, но уже стремился к выравниванию длины строк. В то же время ради удачных созвучий он мог пожертвовать мерностью строк и парностью рифм. Вот пример (из стихотворения о краже сукна из вагона):

Тут Шабловский, парень ловкий, всем товарищам сказал,  
Что робеет Ширемек. «Бери сукно на весь век,  
И ты будешь Человек.  
И ты не робей, Махлай, бери сукно и махай!» [16, 76]

Повествовательная функция стихов Степанченко сейчас не менее важна, чем их скромные красоты. Раешным стихом Филипп Андреевич создал своего рода летопись нескольких бурных революционных лет из жизни провин-

циального промышленного центра. В выборе тем стихотворений — и отголоски незадавшейся личной судьбы Степанченко, и подлинная окраска той эпохи, о которой у нас много было говорено необъективно.

Степанченко не изображает из себя народного мудреца — он судит события с точки зрения христианской морали. В его райке совсем нет отблесков рая, зато ада предостаточно: пьянство до смертоубийства, воровство, разврат и грабежи, издевательства над малым и слабым, шулерство, беспросветная тупость. Степанченко мог писать и саркастически (например, описание банкета по случаю открытия фабричного клуба). Из его стихов вырисовывается промышленный пригород начала XX в. — с деревянными хатами, вспыхивающими из-за оброненной свечки, с дровяным отоплением, с заготовкой или покупкой дров, с неработающим пожарным насосом, с приторговыванием водкой, с выращиванием кабанов, с работодателем М. Д. Барышниковым, на мануфактуре которого держится все. Забастовка на этой мануфактуре, организованная заезжим социал-демократом, видится ему смутой, устроенной по наущению дьявола. Еврейский погром 21 октября 1906 г. Степанченко описывает как деянье князя тьмы, сатаны и, используя евангельскую образность, представляет погромщиков стадом свиней, в которых вселились бесы — с добровольного согласия погромщиков. Как далеко это от тех воспоминаний, которые диктовались старожилам в не очень далекие десятилетия! И как близко к лозунгу, выдвинутому позже Ильичом: «Грабь награбленное!» Неудивительно, что вслед за этим последовала «всероссийская пугачевщина» и все другое, что ее сопровождало. Это была та Россия, которую очень многим не жалко было терять.

В автобиографическом стихотворении (видимо, оно написано на Пасху) Степанченко говорит:

Христос воскрес, и я воскресну, никогда не пропаду;  
Хотя беден, зато честен, но воровать я не пойду [16, 72].

Имя Степанченко незнакомо краоведам. Тетрадь стихов — это единственное, что напоминает о его существовании. По Всероссийской переписи населения 1897 г. в Клинцах с пригородными слободами было около 13 тыс. населения. Степанченко — типичный поэт-«десятитысячник» по нашей классификации [11]. Мы не знаем, как жил и жил ли он в последние тяжелые годы, продолжал ли он свои поэтические штудии, но Степанченко оказался прав в своей вере в личное воскресение. Давно умерли антигерои его раешных стихов, умерли их дети и дети детей, а отставной фейерверкер Степанченко воскресает в нашей памяти благодаря своим стихам, написанным вечным клинцовским райком.

Современная урбанистическая среда сужает бытование райка до «фолка» и стилизаций. Если в старину раек был вербальным знаком будущего визуального действия, то теперь чаще визуальная реклама приглашает



нас на речевое действие. Все это минимизирует непосредственное бытование райка. Но жив, жив курилка! Неожиданно с райком выходит актер Л. Филатов и дарит нам большой озорной «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца». По мнению некоторых филологов, райку суждена еще долгая жизнь [5]. Вот почему необходимо собирать и изучать примеры *красного народного склада*. В каждой области имелся свой отставной фейерверкер или пономарь, и где-нибудь на чердаке пылится тетрадь его раешных стихов.

#### Литература

1. Антонов С. П. Поддубенские частушки: из записок землеустроителя. М.: Правда, 1951. 61 с.
2. Верховский Т. А. Записки о его жизни, составленные им самим. СПб, 1877. Ч. 1. СПб.: Тип. духовного журн. <Странник>, 1877. XIII, 1096 с.
3. Гаспаров М. Л. Раешный стих // КЛЭ. М.: СЭ, 1971. Т. 6. Стлб. 153.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1882. Т. IV. 698 с.
5. Квятковский А. Раешный стих, раек // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа: Русская литература. М.: Институт русской цивилизации, 2004. С. 815–816.
6. Магалашвили А.Р. Визуальный и вербальный знак в системе русского райка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/magalashvili1.htm>. Дата обращения: 11.11.2011. Загл. с экрана.
7. Нароков Николай. Мнимые величины. М.: Художественная литература, 1990. 332 с.
8. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 3. 511 с.
9. Никонов В. Раешник, раешный стих // Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. С. 307.
10. Петров Б. М. Из истории одного ареста // Деснинские древности. Брянск: БГОМ, 2004. Вып. III. С. 343–344.
11. Петров Б. М. Талант поэта и его социокультурное пространство // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. Вып. 2(8). С. 101–106.
12. Ремизов А. М. Царевна Мымра: сборник. Тула: Приокское кн. изд-во, 1992. 411 с.
13. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. 365 с.
14. Рыбников П. Н. Песни, собранные Рыбниковым. Петрозаводск: Олонецкий губ. стат. ком., 1864. Ч. III. 462 с.
15. Рыбников П. Н. Письмо И. С. Аксакову от 3 января 1859 г. // РГБ. Рукописный отдел. ГАИС, III, II-I. 6 л.
16. [Степанченко Ф. А.] Тетрадь для стихотворений сочинения Ф. А. Степанченко. Рукопись. Пос. Клиницы, 1908 (?). 82 л. // Фонды Клинцовского краеведческого музея Брянской обл.
17. Холишевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. СПб.: Аспект-Пресс, 1996. 333 с.
18. Художник П.А. Федотов и его стихотворения. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1901. 135 с.